

УДК 821.161.1. «17»

UDC 821.161.1. «17»

**СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРА «СЛАВЯНСКОЙ»
ФЭНТЕЗИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII
в. (на материале произведений В.А. Лёвшина,
М.И. Попова и М.Д. Чулкова)**

**THE “SLAVIC” FANTASY’S FORMATION IN
THE RUSSIAN LITERATURE OF THE XVIII c.
(based on the novels by V.A. Levsin, M.I. Popov
and M.D. Chulkov)**

Сафрон Елена Александровна
преподаватель

Safron Elena Alexandrovna
tutor

*Петрозаводский государственный
Университет, кафедра скандинавских языков
Карелия, Петрозаводск, Россия*

*Petrozavodsk State University, department of the
Scandinavian language
Karelia, Petrozavodsk, Russia*

Целью данной статьи является попытка продемонстрировать значение русских переводных романов XVIII в. в формировании предпосылок к зарождению нового для отечественной литературы жанра «славянской» фэнтези. Вклад В.А. Левшина, Д.М. Чулкова и М.И. Попова в развитие отечественной фантастики нельзя недооценивать: копируя стиль традиционного рыцарского романа, они украшали текст элементами устной национальной традиции

The purpose of this article is an attempt to show the value of translated Russian novels of the XVIII c. in formation of premise to the birth of a new literary genre – “slavic” fantasy. V.A.Levshin’s, M.D. Chulkov’s and M.I. Popov’s contribution to development of a domestic fantasy can’t be underestimated: by copying style of the traditional chivalric novel, they decorated the text with elements of the oral national tradition

Ключевые слова: «СЛАВЯНСКАЯ» ФЭНТЕЗИ,
РЫЦАРСКИЙ РОМАН, ФОЛЬКЛОНО-
МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА, ПЕРЕВОДНОЙ
РОМАН

Keywords: “SLAVIC” FANTASY, CHIVALRIC
NOVEL, FOLKLORE-MYTHOLOGICAL
FOUNDATION, TRANSLATED NOVEL

В конце XX в. жанр «славянской» фэнтези занимает в российской литературе всё более и более устойчивые позиции, что связано с особым интересом писателей к собственной национальной традиции, возникшем, по мнению автора данной статьи, с одной стороны, как попытка противопоставить отечественную славянскую культуру реалиям традиционной западной фэнтези, ориентированной по большей части на кельтскую и скандинавскую мифологию. С другой стороны, задачи, которые ставили перед собой писатели, работающие в жанре фэнтези, совершенно не соответствовали потребностям и идеалам коммунистического строя и социалистической мифологии. С точки зрения советского социума, фэнтези могла восприниматься как уход в архаику, тогда как научная фантастика, воспевая научно-технические достижения, постулировала прогрессивные пути развития общества. Таким образом, можно говорить о том, что обращение писателей к жанру «славянской» фэнтези можно рассматривать

как стремление восстановления авторитета собственных фольклорно-мифологических корней.

Актуальность исследования заключается в том, что автор статьи обращается к жанру, который на сегодняшний момент только начинает привлекать к себе внимание литературоведов более того, даже данный термин на сегодняшний день в науке ещё не является устоявшимся. О молодости русской фэнтези красноречиво говорит тот факт, что учёные до сих пор не пришли к единому мнению, к какому грамматическому роду отнести данный термин – к среднему, ориентируясь на окончание, или к женскому, исходя из родства терминов 'фэнтези' и 'фантастика'. Тем не менее, исследователи все более склоняются к использованию женского рода. (На международной научной конференции «Русская фантастика на перекрестье эпох и культур», проходившей в МГУ в марте 2006 г., все учёные употребляли термин именно в женском роде.).

Было бы ошибочно утверждать, что современная «славянская» фэнтези зародилась в конце XX в. исключительно через зарубежную фэнтези [7, с. 3], не имея под собой почвы в виде отечественной литературной традиции.

Назвать точную дату зарождения «славянской» фэнтези достаточно сложно. В частности, Е. Гарцевич в статье «Русские деревенские сказки. Славянское фэнтези» высказывает идею о том, что автором первой «славянской» фэнтези является сам русский народ, т.к. уже в фольклорных сказках и былинах присутствуют все жанровые признаки: герои-богатыри, злодеи (Кашей Бессмертный), также сюжет часто строится по формуле квеста (Пойди туда, не знаю куда) [9]. С нашей позиции данное высказывание применимо ко всей фэнтези, в независимости от национальной принадлежности, т.к. в какой бы стране произведение данного жанра не было бы написано, его фольклорно-мифологическая основа всегда очевидна.

Писатель-фантаст Д.М. Дудко (псевдоним Д. Барина) утверждает, что «славянская» фэнтези на сегодняшний день имеет уже двухсотлетнюю

историю, которая началась с таких переводных рыцарских романов как «Бова Королевич» и повести о Еруслане Лазаревиче [11]. Не соглашаясь с мнением Д. Баринова, особо подчёркиваем словосочетание «переводные романы». Переводное произведение изначально не является оригинальным – оно лишь адаптировано к славянской традиции, но не славянское по своей сути. Целью данной статьи является попытка продемонстрировать значение русских переводных романов XVIII в. в формировании предпосылок к зарождению нового для отечественной литературы жанра «славянской» фэнтези.

Среди писателей, создававших фантастические романы на базе западноевропейской куртуазной традиции, были М.И. Попов, М.Д. Чулков и В.А. Левшин. В качестве объекта исследования были взяты следующие произведения этих авторов: работа В.А. Лёвшина «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти приключения», труд М.И. Попова «Старинные диковинки, или Удивительные приключения славенских князей, содержащие историю храброго Светлосана, Вельдюзя, полотского князя; прекрасной Милославы, славенской княжны, Видостана, индийского царя; Остана, древлянского князя Липокся, скифа, Руса, Бориполка, Левсила и страшного чародея Карачуна» и сочинение М.Д. Чулкова «Пересмешник, или славенские сказки».

Стоит, однако, особо отметить, что характерное творчеству этих вышеупомянутых писателей смешение исторических и культурных реалий, чрезмерно запутанные сюжетные линии, предположительно, могли стать причиной безразличия к произведениям вышеупомянутых авторов критики последующих веков (Н.А. Полевой в «Очерках русской литературы» (1839), С.В. Савченко в «Русской народной сказке (Истории собирания и изучения)» (1914) просто не включили эти произведения в обзорный список) [6, с. 483, 484].

На литературное поприще В.А. Левшин (1746 — 1826) вступил с «Загадками, служащими для невинного разделения праздного времени» (1773). Далее писатель обратился к эпистолярному жанру, следствием чего стали «Утренники влюбленного» (1779), представляющие собой сентиментально-нравоучительные размышления о любви. В.А. Лёвшин также занимался переводами с немецкого, французского и итальянского языков. Его волшебнo-авантюрные повести, в частности сборник «Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских» (1787 – 1788) пользовались большой популярностью, т.к. были ориентированы на малообразованного читателя и были по сути своей чистым развлечением. Важно также отметить и то, что В.А. Лёвшин не только слепо следовал славянской традиции, но и пытался фантазировать, вводя в повествование реалии, не имеющие ничего общего с народной традицией.

Перу В.А. Лёвшина также принадлежат «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти приключения» (1780. Ч. 1—4; 1783. Ч. 5—10; 3-е изд. 1820; 4-е изд. 1829). Отдельные сюжеты из них перешли в лубок и были использованы А. С. Пушкиным в поэме «Руслан и Людмила» [14]. Тематически содержание сборника делится на две группы: повести волшебнo-рыцарские, или богатырские – обработки русских былин, написанные в духе западноевропейских рыцарских романов; и сатирико-бытовые сказки и новеллы. Такие образы первой группы, как Василий Буслаев, Тугарин, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Чурила Пленкович полностью соответствуют традиционному представлению о европейском «странствующем рыцаре». Вторые — литературно обработанные рус. народные сказки, в основном сатирической направленности («О племяннике Фомке», «О воре Тимошке», «О цыганке»), и сатирико-бытовые повести («Досадное пробуждение», «Повесть о новомодном дворянине»).

В силу специфики изучаемого в данной работе жанра в качестве объекта наблюдения взяты именно богатырский цикл. В частности, «Повесть о

богатыре Булате». Сюжет повести строится на поиске богатырём Булатом захваченной в бою бриттской Царь-девицей *диадеме* (курс. мой – Е.А.) князей Русы, которая является символом единства русского народа. Сам Булат «убил на поединке в Варягии исполина, имевшего железную голову, у косога двенадцатиглавого Смока, опустошавшего страну их, и который с одною дубиною побил наголову римское войско, находясь в услужении у Кигана, аварского короля» [8, с. 246]. Из приведённой цитаты мы видим, что география подвигов русского богатыря максимально удалена от самой Руси. Такую же картину можно наблюдать и далее: отправляясь за венцом Русов, герой сначала оказывается на территории Болгарии, затем во владении царицы бриттов.

Эта, повесть, как и остальные произведения цикла, нельзя отнести к «славянской» фэнтези уже потому, что в ней нет почти ничего собственно славянского, кроме отдельных имён богов: Перун, Чернобог; топонимов: Мутная, Волхов, Ладога, Руса и т.п. По мнению автора диссертационного сочинения, богатырские повести В.А. Левшина являются полным подражанием западноевропейскому рыцарскому роману, поэтому говорить о зарождении в творчестве писателя нового для русской литературы жанра «славянской» фэнтези не представляется возможным.

М.Д. Чулков (1743 – 1793) в «Пересмешнике, или славенских сказках» так же, как и В.А. Левшин, не делает попыток глубоко погрузить читателя в мир славянской культуры. Однако в отличие от вышеупомянутого автора, М.Д. Чулков гораздо чаще вводит в текст упоминания имён славянских божеств, что, видимо, считает достаточным для создания национального колорита. К примеру, его герои обращаются (как и у В.А. Левшина) к Перуну [1, с. 248 – 249] и Чернобогу, к Световиду / Свентовиту, Ладе [1, с. 228 – 229].

Стоит, однако, отметить, что обращение писателя к славянскому пантеону носит в высокой степени бессистемный характер: так, Свентовит – верховное божество западнославянской мифологии, божество войны [11,

с. 420], Чернобог – злой бог балтийско-славянской мифологии, приносящий несчастья [11, с. 625], т.е. писатель заимствует персонажей как из восточной, так и из западной славянской традиции в произвольном порядке. Более того, часто упоминаются те боги, чьё существование в славянском пантеоне исследователями не доказано: Дидилия, Полеля, Знич и т.п.

Можно предположить, что писатель ставит своей целью не только развлечение читателя, но и воспитание в нём патриотизма, неоднократно подчёркивая как силу духа славянского народа, так и физическую силу славянских богатырей: «Если бы не был он славянин, то, конечно, отчаялся бы при случае сем жизни и умер бы от ужаса» [17, с. 47]; «Когда въехал Силослав на царский двор, то увидя, государь величественный его вид и крепкое богатырское вооружение, исполнился великою надеждою и нимало не сомневался, чтобы такой храбрый *полубог* (курс. мой – Е.А.) не победил его неприятеля» [17, с. 91]. Патриотическое восхваление славянской государственности мы встречаем и у М.И. Попова (1742 – 1790, по др. данным 1781) в «Старинных диковинках или Удивительных приключениях славянских князей»: «Славен, родоначальник и праотец первых славонских князей, знаменитый именем и преславными делами <...> при нём, как и при потомках его храбрые славяне подтверждали имя своё множеством преславных побед и подвигов. Потомство сего князя процветало завсегда славою храбрых дел и распространило свои завоевания наподобие древних римлян» [13, с. 310].

Данное произведение М.И. Попова с точки зрения определения жанра стоит несколько ближе к «славянской» фэнтези, нежели работы Д.М. Чулкова и В.А. Лёвшина. Причиной этому утверждение может послужить следующее: писатель не просто использует имена славянских божеств для придания «Старинным диковинкам» национального колорита, но делает членов пантеона участниками повествования. Так, один из персонажей пересказывает главному герою космогонические мифы наших предков «Великая наша богиня, царица земли и мать всех богов <...> сочетавшись

со Световидом, или солнцем, равным ей по древности божеством, породила миру Перуна, строителя громостреляний и всех воздушных явлений; потом Волос [7, с. 26], бога скотов, по нем Купала, бог всякородных плодов древесных и земных, и прочих богов и богинь, как-то: Ладу, Белбога (Западнославянский бог удачи и счастья. В «Славянской хронике» (XII в.) бог балтийский славян, противопоставлен Чернобогу) [10, с. 167], Чернобога, Нию, Догоду <...> и им подобных» [13, с. 398]. Анализируя данную цитату, автор диссертационного сочинения делает выводы о том, что М.И. Попов в традиционную космогоническую картину приносит некую долю писательской фантазии, т.к. существование таких фигур, как Ний (предположительно, бог наказания и господин преисподней) [6], Догода (В представлении неоязычников, является богом хорошей погоды и попутного ветра) [3] в славянском пантеоне ставится под сомнение, кроме того, Купала, как замечают Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров, главный персонаж праздника летнего солнцестояния, чучело, которое топят в воде. В основе купальского мифа лежит легенда о кровосмесительной связи брата и сестры, чей брак воплощается в цветке иван-да-марья [10, с. 29]. Таким образом, возникает несоответствие в интерпретации образа Купалы: для М.И. Попова это бог плодородия, тогда как для исследователей – ритуальная кукла.

Также в «Старинных диковинках» можно обнаружить приметы так называемого «основного мифа» [5, с. 21], пересказываемого в форме сновидения: «явилась ему престрашная гора, на которой вместо деревьев стояли копыя и мечи вверх остриём. Промежду ними пресмыкалося бесчисленное множество всякого рода змиев <...> над сею горою летела блестящая колесница, влекомая зияющими пламенем аспидами; в ней сидела несчастная Милослава <...> Гнустный и престрашный Волот держал её в своих объятиях <...> Напротиву их летел на крылатом коне Вельдюзь [один из князей-богатырей] и стремился поразить сего чудовища копьём; но в самое то время исполин зинул на него пламенем - конь от того исчез, а

Вельдюзь полетел стремглав на утыканную копьями и мечами гору» [13, с.320]. «Основной миф», реконструируемый в работах Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова повествует о борьбе Громовержца с Велесом/Волосом: «Перун, первоначально *в образе всадника на коне* (курс. мой – Е.А.) <...> поражает своим оружием змеевидного врага <...> После победы освобождаются воды (в архаических и боковых трансформациях мифа *скот, женищина* (курс. мой – Е.А.), похищенная противником» [5, с. 307]. Неслучайно в этом эпизоде появляются меч и копье, представляя собой не только оружие, но и символы, значение которых, словами М.Б. Мейлаха. «сводимо к основному противопоставлению жизнь – смерть» [10, с. 149]. Традиционно меч отождествлялся с молнией – оружием громовника [10, с. 149]. В отдельных мифах меч мог становиться мостом в другой мир [10, с. 149], что можно наблюдать и в анализируемом эпизоде: поверженный герой падает «на утыканную копьями и мечами гору» и просыпается, т.е. возвращается в мир реальности.

Волот – одно из имён Велеса/Волоса, где корень *вол* + суффикс *-от* этимологически обозначает существительные, подразумевающие под собой действия с общим значением шума [14].

Несмотря на весомый объём традиционных элементов славянской мифологии в тексте «Старинных диковинок», данное произведение не может быть отнесено к жанру «славянской» фэнтези, т.к. оно, будучи переосмыслением западноевропейской куртуазной литературы, не является пока авторским оригинальным произведением. Отдельные приметы славянской культуры на фоне реалий греко-римской, индийской традиции не позволяют сформировать замкнутую систему славянского быта и славянского же мифологического мира.

Тем не менее, вклад В.А. Левшина, Д.М. Чулкова и М.И. Попова в развитие отечественной фантастики нельзя недооценивать: копируя стиль традиционного рыцарского романа, они украшали текст элементами

устной национальной традиции. Творчество этих писателей является неотъемлемой частью истории российской фантастики.

Список литературы:

1. Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян (Поэтические воззрения славян на природу): в 3 т. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т.1. 800С.; Т.2. 768с.
2. Гарцевич Е. Русские деревенские сказки. Славянское фэнтези [Электронный ресурс] // Мир фантастики и фэнтези. №20. 2005. Электрон. ст. URL: <http://www.mirf.ru/Articles/art689.htm>, свободный. Яз. рус. (Дата обращения 8.03.2011)
3. Догода // Энциклопедия мифологии [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: <http://godsbay.ru/slavs/dogoda.html>, свободный. Яз. рус. (Дата обращения 8.09.2011)
4. Дудко Д.М.(Д.Баринов) Славянская фэнтези: вчера, сегодня, завтра [Электронная ресурс] Электрон. ст. URL: <http://www.rusf.ru/star/doklad/2004/dudko2.htm>, свободный. Яз. рус. (Дата обращения 8.03.2011)
5. Вяч.Вс. Иванов, Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. 246с.
6. Ладыгин М.Б., Ладыгина О.М. Ний //Альтернативная мифологическая энциклопедия на чёртовых куличках: [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: <http://izbakurnog.historic.ru/enc/item/f00/s12/a001288.shtml>, свободный. Яз. рус. (Дата обращения 8.09.2011)
7. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 528с.: ил. (Мифы народов мира).
8. Левшин В.А. Повесть о богатыре Булате // Старинные диковинки: в 3-х т. Кн.1: Волшебнo-богатырские повести XVIII века / Сост., примеч. и поясн. Ю.М. Медведева. М.: Сов. Россия, 1991 С.243 – 362.
9. Медведев Ю.М. Летопись неистовых волшебств // Старинные диковинки: в 3-х т. Кн. II: Волшебнo-богатырские повести XVIII века. М.: Сов. Россия, 1992. С.483 – 497.
10. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. М.: Рос. Энциклопедия, 1997. Т.1. А - К.671с. с ил.
11. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. М.: Рос. Энциклопедия, 1997Т.2. К – Я. 719с. с ил.
12. Полеля // Мифы и легенды народов мира. Мифы древних славян: [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: <http://www.legendami.ru/bod/russia/russia26.htm>, свободный. Яз. рус. (Дата обращения 8.09.2011)
13. Попов М.И. Старинные диковинки, или Удивительные приключения славенских князей, содержащие историю храброго Светлосана, Вельдюзя, полотского князя; прекрасной Милославы, славенской княжны, Видостана, индийского царя; Остана, древлянского князя Липоксая, скифа, Руса, Бориполка, Левсила и страшного чародея Карачуна // Старинные диковинки: в 3-х т. Кн. II: Волшебнo-богатырские повести XVIII века / Сост., послесл. и примеч. Ю.М. Медведева. М.: Сов. Россия, 1992. С.307 – 481. (Б-ка русской фантастики; В 20 т.).
14. Пухов В.В. Левшин Василий Алексеевич // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН 2006-2011 Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Дизайн и разработка компании «Аркадия» <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=1089> , свободный. Яз. рус. (Дата обращения 3.08.2011)

15. Тюняев А.А. Велес. Этимология имени // Электронная славянская энциклопедия [Электронный ресурс]. Электрон. ст. URL: <http://www.dazzle.ru/spec/vei.shtml>, свободный. Яз. рус. (Дата обращения 12.08.2011)
16. Чепур Е.А. Герой русской фэнтези 1990-х гг.: модусы художественной реализации / Е.А. Чепур.: автореф. дис ... канд.фил. наук. Магнитогорск, 2010. - 23с.
17. Чулков Д.М. Из книги «Пересмешник, или славенские сказки» //Старинные диковинки: в 3-х т. – Кн. II: Волшебно-богатырские повести XVIII века / Сост., послесл. и примеч. Ю.М. Медведева. М.: Сов. Россия, 1992. С.5 – 30 (Б-ка русской фантастики; В 20 т.).